

Воспоминанія стараго педагога ¹⁾.

VI.

Назначеніе на должность старшаго учителя Законовѣдѣнія Черниговской гимназіи.—Первые педагогическіе шаги.—Персональ Черниговской гимназіи.—Порядки гимназическіе.—Отношенія начальства гимназіи, учащихъ и учащихся.—Система наказаній.

Въ іюль мѣсяцѣ 1850 г. я, проведя вакаціи дома, приѣхалъ въ Кіевъ узнать свою судьбу. Какъ казеннокоштный студентъ я обязанъ былъ отслужить за казенное содержаніе въ теченіе шести лѣтъ, и потому я ждалъ отъ начальства своего назначенія. По приѣздѣ въ Кіевъ явился я въ Канцелярію Попечителя, гдѣ господствовалъ знаменитый по своему вліянію въ округѣ въ тогдашнее время правитель канцеляріи Попечителя А. А. Лазовъ. Миѣ объявили, что я назначенъ старшимъ учителемъ заковѣдѣнія въ Черниговскую гимназію и буду получать въ мѣсяць по 112 руб. и единовременно 500 руб. Это было объявлено съ большимъ апломбомъ, словно я удостоенъ великихъ милостей. На повѣрку оказалось, что для пущей важности принявшій меня съ юпитеровскимъ величіемъ правитель канцеляріи перевелъ серебро на ассигнацію, повидимому не безъ цѣли поразить бѣднаго человѣка громадностію цифры предстоящаго полученія. Въ переводѣ на нынѣшнія деньги громадная эта цифра сводилась однако въ 32 руб. 8 коп. ежемѣсячнаго жалованья и въ 125 руб. единовременныхъ подъемныхъ. Тѣмъ не менѣе я остался доволенъ своимъ назначеніемъ. Получивши изъ Кіевского казначейства подь-

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1911 года.

емныя деньги и подорожную по казенной надобности, я на почтовыхъ выѣхалъ въ Черниговъ. На другой день въ полдень я прибылъ въ этотъ городъ, показавшійся мнѣ крайне невзрачнымъ послѣ Кіева. Меня поразило безлюдье черниговскихъ улицъ, сѣрыя постройки и патриархальная простота и мизерность построекъ, приличествовавшихъ болѣе какому-либо уѣздному или заштатному, а не губернскому городу.

Приѣхавши въ Черниговъ, я остановился временно на квартирѣ у знакомаго еще по Кіеву учителя, моего будущаго товарища Сидлава, но поспѣшилъ отыскать квартиру, что впрочемъ и не составляло особаго труда, такъ какъ хозяева свободныхъ квартиръ въ Черниговѣ имѣли похвальное обыкновеніе закрывать ставни въ такихъ квартирахъ. Нанялъ я двѣ скромныя комнаты за базаромъ, довольно далеко отъ гимназіи. Устроившись на квартирѣ и побывавши въ первый же день у директора, которымъ состоялъ тогда человекъ очень образованный и много путешествовавшій за границею Януарій Михайловичъ Невѣровъ, я началъ готовиться къ урокамъ. Спустя одинъ или два дня я въ присутствіи директора и инспектора прочелъ свой первый урокъ, который, признаюсь, былъ скорѣе похожъ на плохую университетскую лекцію, чѣмъ на гимназическій урокъ. Этого впрочемъ и слѣдовало ожидать отъ человека, только что вышедшаго изъ-за скамьи, когда при томъ ни въ университетѣ, ни въ гимназіи никто даже не потрудился объяснить разницу между университетскимъ и школьнымъ преподаваніемъ. Только черезъ полгода я выяснилъ самъ себѣ мою бесполезную дѣятельность. Только горькимъ опытомъ я убѣдился, что принятый мною методъ преподаванія никуда не годился, и что въ концѣ концовъ ученики мои ничего не будутъ знать, если я не откажусь отъ профессорскихъ замашекъ. Я рѣшился снизить съ высоты своего величія, стать поближе къ ученикамъ и радикально измѣнить свое преподаваніе. Тогдашній длинный урокъ, въ часъ съ четвертью, я распредѣлилъ такъ, что только одну часть урока назначилъ на объясненіе, а остальную же—на спрашиваніе учениковъ, которыхъ у меня было не слишкомъ много; такъ что я успѣвалъ ихъ переспросить чуть не на каждомъ урокъ. Тогда дѣло начало понемногу поправляться. Ученики, зная, что ихъ спросятъ непременно, начали готовить уроки и мало по малу, благодаря частымъ повтореніямъ, наверстали потерянное время. Мои отношенія къ учащимся сложились удовлетворительно. Я принялъ за правило ни на кого не жаловаться, а главное никого не преслѣдовать, никому не вредить, входя въ положеніе каждаго. Второе основное правило моей учительской дѣятельности—полнѣйшее безпристрастіе и спра-

ведливость. Дѣти скоро поняли меня и стали въ самыя искреннія отношенія. Не обошлось однако и безъ столкновеній. Причиною было устройство классовъ въ Черниговской гимназіи. Всѣ они были проходными. Миѣ приходилось въ свой классъ ходить черезъ шестой классъ и преимущественно на урокахъ латинскаго языка. Шалуны начали называть меня именами римскихъ юристовъ. Я долго не обращалъ вниманія на раздававшіеся за мною крики. Но однажды какой-то шалунъ чуть не передъ самымъ моимъ носомъ выкрикнулъ мое прозвище. Я остановился и поблагодарилъ за такое переименованіе меня. Шалунъ сконфузился, и съ этого времени я уже не слышалъ никакихъ прозвищъ. Къ начальству установились у меня чисто формальныя отношенія. Я былъ крайне пунктуаленъ и аккуратенъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Только по временамъ приходилось выслушивать замѣчанія, что не записываю отмѣтокъ въ журналъ. И совершенно напрасно, такъ какъ я отлично зналъ своихъ учениковъ, степень ихъ познаній и ихъ успѣхи. Инспекторъ Н. И. Савинъ, игравшій роль строгаго блюстителя порядка, тѣмъ не менѣе доложилъ о моей неисправности самому директору, который подтвердилъ распоряженіе инспектора о запискѣ отмѣтокъ въ журналъ. Персоналъ учителей состоялъ изъ старыхъ преподавателей, уже втянувшихся въ черниговскія привычки, мало заботившихся о своей педагогической дѣятельности. Игра въ карты, составлявшая общую слабость тогдашняго черниговскаго чиновничества, по преимуществу занимала и умы педагоговъ, какъ и всего черниговскаго чиновничества. У всѣхъ чиновниковъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видныя мѣста, были устроены журфиксы съ непремѣнною карточною игрою. Педагогамъ это было и на руку. Почти ежедневно они проводили вечера за картами, а на завтра являлись на уроки полусонными. Играли тогда преимущественно въ преферансъ. Но случалось, затѣвали штось и даже дьябелка. Странное дѣло! Кіевскія строгости какъ бы не доходили до Чернигова, который благодумствовалъ на зеленомъ полѣ, въ полнѣйшей халатности въ отношеніи къ исполненію обязанностей.

Къ большому сожалѣнію и Невѣровъ, пользовавшійся уваженіемъ служащихъ, перемѣщенъ въ Ставропольскую гимназію и скоро оставилъ Черниговъ. На его мѣсто назначенъ помѣщикъ Александръ Михайловичъ Богаевскій, большой библіоманъ, но зато плохой директоръ, почти не принимавшій участія въ дѣлахъ гимназіи. Возложивъ всѣ заботы по управленію гимназіею и дирекціею училищъ на инспектора и письмоводителя, онъ постоянно отлучался въ свое имѣніе и не появлялся въ Черниговѣ иногда

цѣлые мѣсяцы. Тѣмъ не менѣе онъ исправно получалъ изъ казначейства суммы, слѣдовавшія на содержаніе гимназій, получалъ и расходовалъ по своему усмотрѣнію. По званію старшаго учителя и секретаря совѣта я долженъ былъ наблюдать въ числѣ прочихъ членовъ совѣта, старшихъ учителей, за правильностію расходовъ и подписывать кассовыя книги. Но по заведенному порядку мы подписывали, не смѣя вникать въ дѣло. Всякое поползновеніе на такое вниканіе, по установившемуся тогда взгляду, считалось актомъ невѣжливости въ отношеніи къ лицу директора и всегда рассматривалось, какъ явный признакъ строптивости подчиненнаго и неуживчиваго его характера.

Мы не знаемъ, какая выгода получалась отъ такого порядка вещей для казны; но твердо убѣждены, что ненормальное положеніе гимназическаго хозяйства не могло не имѣть вліянія на степень уваженія подчиненныхъ къ начальству и съ другой стороны не могло не сдерживать начальства въ желаніи преслѣдовать грѣхи подчиненныхъ. Главный грѣхъ тогдашней педагогій въ Черниговской гимназій—это манкировки учителей; онѣ были въ то время обычнымъ явленіемъ, и начальство смотрѣло на это сквозь пальцы. Правда, инспекторъ исправно записывалъ не только часы, но даже минуты пропусковъ, но обыкновенно такая записка не имѣла серьезныхъ послѣдствій.

Отношенія къ ученикамъ какъ начальства гимназій, такъ и учителей были чисто формальныя. Наблюдали, чтобъ ученикъ пришелъ въ классъ, выучилъ урокъ, сидѣлъ въ классѣ спокойно, соблюдалъ надлежащую форму въ одеждѣ. Но дальше никто не шелъ. Учители оправдывали себя тѣмъ, что они устранены отъ дѣлъ гимназій и словно какіе-то поденники: „отзвонилъ свой урокъ, обыкновенно говорилось тогда, и съ колокольни прочь“. Все дѣло со стороны учителей ограничивалось задаваніемъ и спрашиваніемъ уроковъ и выставкою отмѣтокъ въ журналахъ, а со стороны инспектора—въ наказанія получившихъ дурныя отмѣтки. Въ основаніи всѣхъ отношеній лежало взаимное недоверіе: недоверіе дѣтей къ наставникамъ и наставниковъ къ дѣтямъ. Скрытность учениковъ и духъ товарищества, господствовавшей тогда между ними, не мало затрудняли надзоръ гимназическій, или, лучше сказать, инспекторскій. По необходимости надзоръ за учащимися ограничивался однимъ поверхностнымъ наблюденіемъ и носилъ по преимуществу полицейскій характеръ. О воспитательномъ вліяніи гимназій на учащихся никто и не думалъ, да и едва-ли оно было возможнымъ при господствовавшемъ въ то время порядкѣ.

Главную заботу инспектора составляло наблюденіе за журналами.

Каждый день надзиратель долженъ былъ выписать изъ журналовъ получившихъ неудовлетворительныя отмѣтки учениковъ, преимущественно первыхъ четырехъ классовъ; такъ какъ старшихъ учениковъ не полагалось сѣчь, то выписка ихъ отмѣтокъ не имѣла цѣли и потому обыкновенно не дѣлалась. По окончаніи уроковъ самъ инспекторъ или надзиратель приказывали провинившимся остаться въ классѣ для полученія должнаго возмездія. Возмездіе же состояло по большей части, при полученіи ученикомъ отмѣтки единицы въ успѣхахъ, или въ поведеніи, въ тѣлесномъ наказаніи. Давали отъ 5-ти до 25-ти розогъ. Нѣкоторые изъ учениковъ, не испытавшіе еще, какъ говорилось тогда, „березовой каши“, плакали и молили о пощадѣ. Другіе угрюмо выносили тѣлесную боль, съ чувствомъ какого-то молодечества и озлобленія. А были и такіе отчаянные субъекты, которые, испытавъ много разъ тѣлесную боль, входили во вкусъ сильныхъ ощущеній, какъ пьяницы входятъ во вкусъ полынной водки. Для такихъ субъектовъ тѣлесное наказаніе составляло нѣкотораго рода спортъ и совсѣмъ ихъ не смущало. Мой классъ былъ по сосѣдству съ комнатою, въ которой производились экзекуціи. Съ болью сердца невольно я былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ прелестей. До какой степени тѣлесныя наказанія входили въ привычки учениковъ, въ этомъ легко было убѣдиться изъ того, что обреченные наказанію ложились подъ наказаніе и вставали съ улыбкой на устахъ, а нѣкоторые просили даже поскорѣе ихъ посѣчь, чтобы не прозвѣвать горячаго обѣда.

Не менѣе плодотворно было и второе наказаніе учащихся, практиковавшееся за двойки—это лишеніе свободы. Ученики запирались на два, на три часа въ классѣ, или въ карцерѣ и сидѣли тамъ, по большей части томясь бездѣйствіемъ и голодомъ. Къ шести часамъ вечера являлись они домой совершенно изможденными и, покушавши на голодный желудокъ сытно, способны были только спать вечеромъ, но совершенно не годились для приготовленія уроковъ. На другой день имъ было также не до уроковъ. Нужно было спѣшить въ классъ, чтобъ пошумѣть; да къ тому же уроки начинались рано—въ восемь часовъ; такъ что по краткости времени нечего было и думать утромъ приготовить уроки. И вотъ мало по малу начинали накопляться недоимки изъ дня въ день, пока ученикъ не приходилъ въ отчаяніе; не видя никакой возможности справиться съ своимъ дѣломъ, онъ по неволѣ долженъ былъ махнуть рукой на все свое учебное дѣло и поступить въ разрядъ отчаянныхъ.

Третій родъ наказаній, практиковавшійся преимущественно въ пансіонѣ, было лишеніе пищи. Это наказаніе, возмутительное по

самому существу своему, приносило пользу только эконому пансіона, который смѣло могъ не готовить десяти порцій ежедневно, въ надеждѣ на такое же число оставленныхъ безъ обѣда. Въ штрафной журналъ ежедневно записывались, кто оставался безъ обѣда, и по этимъ записямъ я составилъ пропорцію для полученія барышей экономомъ.

Описанный нами порядокъ исправленія учениковъ не былъ субъективнымъ изобрѣтеніемъ какого-либо инспектора. Нѣтъ! Онъ составлялъ господствующій въ то время во всѣхъ гимназіяхъ режимъ. Въ бытность мою въ Черниговской гимназіи, съ 1850 г. по 1860 годъ, перемѣнилось три инспектора, и всѣ они дѣйствовали совершенно одинаково, только съ разными оттѣнками. Одинъ смѣлъ, нѣсколько улыбаясь; другой съ крикомъ и грозой. Одинъ въ пылу гнѣва способенъ было ударить ученика собственной благородною рукою, или сорвать съ него знакъ отличія—петлички и учинить всякія безобразія. Другой не способенъ былъ на такія энергическія мѣры, но зато былъ совершенно равнодушенъ къ судьбѣ ученика. И все это такъ вошло въ нравы и обычаи, что всѣ смотрѣли на такіе порядки спокойно, а высшее начальство считало такого инспектора распорядительнымъ человѣкомъ и даже имѣло его на хорошемъ счету. *Nomina sunt odiosa!* Не стану называть такихъ отличныхъ инспекторовъ, которые, стремясь къ отличіямъ, въ особенности налегали на систему наказаній и доводили число высѣченныхъ ежедневно до 30-ти, на 180 учащихъ въ гимназіи; такъ что, значить, шестая часть гимназіи должна была ежедневно попробовать „березовой каши“. Такимъ усердіемъ отличался одинъ изъ корифеевъ-инспекторовъ, быстро за свои подвиги попавшій въ директора гимназіи и закончившій свою службу въ Царствѣ Польскомъ съ пансіономъ въ три тысячи рублей.

А. Ѡ. Андріяшевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

